

АРХЕТИП УЧИТЕЛЬСТВА

Е. С. Воля

Представлена попытка обращения к христианской традиции учительства для осмысления феномена педагогической миссии, понимаемой автором, как служение по призванию.

Имеешь ли служение, пребывая в служении

(Рим 12. 7).

Педагогическая деятельность относится к тем немногочисленным видам деятельности, которая несет в себе миссию. В настоящее время наблюдается возрастающий междисциплинарный интерес к исследованию миссии, и она становится предметом изучения не только теологии. Это объясняется тем, что миссия является культурным феноменом. При приближении к определению понятия культуры мы считаем важным, обратить внимание на то, что культура — это всегда связь с предками¹. Для выявления архетипа миссии мы видим серьезный намек в созвучии слов «миссия» и «мессия». Оно не случайно, поскольку понятие миссии восходит к христианскому ожиданию мессии. В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля читаем: «Мессия, Помазанник; обращенный Ветхим Заветом Искупитель». Конечно миссионерство и мессианство это не одно и то же, но имеет большое сближение. Начало собственно философского и общественного осмысления проблемы российского мессианства было положено в первой половине XIX в. (П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. К. Аксаков и др.). Интерес к этой тематике прослеживается и во второй половине XIX — начале XX вв. (Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Н. Н. Страхов и др.). Наиболее известными авторами историософии российского мессианства были такие философы, как В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк, Г. П. Федотов, Н. О. Лосский, И. А. Ильин, Н. С. Трубецкой, Н. Н. Алексеев и др. Сформулированные в течение XIX — первой трети XX века теоретические подходы к фе-

¹ *Сергий Соколов, свящ.* Христианские корни науки и вселенские соборы // Метафизика. Век XXI // Под ред. Ю. С. Владимирова. М.: Бином, 2010.

номену российского мессианства сохранили интеллектуальную ценность и продолжают влиять на современный общественный и научный дискурс².

Особая роль придается миссии в христианской традиции. Для более полного толкования понятия мы предлагаем использовать метод библейской реминисценции. В христианской традиции миссии придается особая роль. В свете древнейшего свода архетипов, наблюдаемых в Ветхом Завете и составляющих образный строй пророков, можно видеть главную линию, иначе говоря, целеустремленность к основному символу, поэтому они повторяемы в Новом Завете. Мессианские ожидания повлияли на особенность временных представлений в христианском мировоззрении. То есть время понималось не так, как у других древних народов. Его неповторимость была очевидна для пророков, для которых переход Моисея через Красное море был уникальным историческим явлением. Для Вавилоня, Китая, Индии, также как для древних греков и персов, время было цикличным, и все возвращалось на круги своя. Историчность времени в иудео-христианском представлении, то есть его целенаправленность, определялась приходом Мессии у пророков и воплощением Христа у апостолов. Эту телеологию можно изобразить пересечением исторической горизонтали с Божественной вертикалью. Свообразное начало координат, где эти оси X и Y пересекаются, мы находим также и при сотворении мира³. Направленность священной истории отражена в канонах — богослужебных произведениях, интерпретирующих ее знаменательные события, как главные прецеденты ветхозаветной психологии, которая осуществлена в Новом Завете. Это девятичастная форма, выполненная в традиции греческой поэтики, в которой вторая часть мистически опускается, исключение составляет Великий Канон. Каждая часть, называемая одой, то есть песней, начинается гимном, называемым *ирмос*, который служит заповедом, освещающим событие, взятое из Ветхого Завета, а затем следуют тропари, которые в православной гимнографии служат смысловым и поэтическим параллелизмом. Эти параллели раскрывают провиденциальный смысл ветхозаветных событий и их завершение в Боговоплощении Мессии. Так, в первой оде первого гласа воскресного восьмигласника, называемого октоихом, истолковано пророческое значение жеста Моисея как архетипа служения: «Крест начертав Моисей, прямо Чермное море пресече». Речь идет о том, что предводитель народа поднятием рук изобразил крест, который чудесным образом раздвинул воды Красного моря, что позволило сделать спасительный переход на другой берег. Это событие является предсказанием распятия Спасителя и его миссии, которая проведет христианский народ через житейское море искушений к берегу вечной жизни. Притча о сотворении человека, согласно книге *Бытие*, говорит о том, что и в нем есть эта точка пересечения, где Божественный «образ и подобие» вошли в человеческую природу. Таким образом, мы видим с одной стороны знак креста, представляющий миссию Бога в человеческой истории, с другой — централизацию личности, которая реализуется в уподоблении Богу. Самореализация личности в некоем целенаправлении, которое осуществляется в служении Богу.

² *Сторчак В. М.* Мессианство как социокультурный и идеологический феномен России: вторая половина XV — первая треть XX в. Автореф. дисс. д-ра философ. наук. М., 2007.

³ *Сергий Соколов.* Время // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 517—530.

Евгений Трубецкой в работе «Смысл жизни» рассматривает крест как наиболее универсальное, точное схематическое изображение жизненного пути независимо от того, стоит человек на христианской точке зрения или нет. «Во всякой жизни есть неизбежное скрещение этих двух дорог и направлений, этого стремления вверх и стремления прямо перед собой в горизонтальной плоскости... Если в скрещении своих линий жизнь достигает своей полноты, своего вечного, прекрасного и неумирающего смысла. Тогда крест становится символом этой высшей победы»⁴. Таким образом, крест как символ означает целенаправленность деятельной личности, то есть миссию и Человеческой, и Божественной личности. В религиозной традиции: миссия человека — служение Богу. В нерелигиозном контексте этот *архетип миссии актуален в смысле служения идее или обществу*, он имеет психологическое значение, утратив мистическую составляющую.

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова слово *миссия* трактуется как «здание, определенное поручение (возложить важную миссию); жизненная историческая роль какого-нибудь деятеля (выполнить, осуществить свою миссию)».

Целеполаганием на служение является посвящение. Так клятва Гиппократа, например, придает работе врача смысл служения человеку и человечеству. Главное содержание посвящения в том, что профессиональная деятельность не является самоцелью, но имеет ценностную ориентацию за пределами самой деятельности, ее инструментального обеспечения, и даже самого практикующего сообщества, то есть вне профессиональной парадигмы. Действительно, посвящение облачает доверием для несения миссии с той или иной степенью самоотверженности для служения идее, что в каком-то смысле не всегда бывает разумно.

Жертвовать собой — это не входит в область рассудочной деятельности, а значит, не рационально. По мнению А. Ф. Лосева, русскому миропониманию чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Оно представляет собой внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые не могут быть сведены к логическим понятиям и определениям, воплощаются в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности⁵. Таким образом, рассматривая понятие миссии, мы ориентируемся если не на полное преодоление рационалистической традиции, то на постижение (что гораздо шире познания) внутреннего мира человека путем осмысления его эмоционально-духовного опыта, нашедшего отражение в народных традициях, искусстве, культуре в целом.

Важную роль в психологии миссии играет мотивация и целесообразность. Гумилев приводит пример Плюшкина из произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». Это своеобразный пассионарий, жертвующий своим благосостоянием ради мшелоимства. Из повествования Н. В. Гоголя видно, что это карикатура психологической активности, реализованной как служение бесполезной идее. Так, например, и профессиональная деятельность, может восприниматься неоднозначно. Очевидно, что обычная учительская практика может рассматри-

⁴ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 2003.

⁵ Лосев А. Ф. Русская философия // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпетт Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 71.

ваться просто как профессиональная деятельность, дающая средства к существованию. Целесообразность учительства может превратить его в миссию, как это было очень распространено в России XIX века, когда народники уезжали из города в деревню, понимая свою деятельность как миссию просвещения. В этом случае даже скромные средства к существованию оценивались высоко в смысле миссии, тогда как иным способам даже высоких заработков не придавалось существенного значения.

Яркий пример отношения к профессиональной деятельности как миссии показывает отец Павел Флоренский: «Мне думается, что задачи нашего рода — не практические, не административные, а созерцательные, мыслительные, организационные в области духовной жизни, в области культуры и просвещения. Старайтесь вдуматься в эти задачи нашего рода и, не уклоняясь от прямого следования им, по возможности твердо держаться присущей нам деятельности. Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет, — в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить»⁶. Это завещание, оставленное потомкам, демонстрирует ценностное отношение к профессии, осмысленное как особое достижение, передающееся из поколения в поколение. Именно в профессиональных династиях прослеживается такое отношение к профессиональной деятельности, которое может стать примером истинного служения. Своеобразный «синдром предков», когда выбор профессионального пути соотносится с семейными ценностями, а отношение к делу соизмеряется с неким поведенческим эталоном, который задают родители и пра-родители. Идея служения вообще характерна для интимного лика русской души, которая «пропиталась главными стихиями Православия: аскетизмом, смирен-нием, сострадательным братолюбием и эсхатологической мечтой о праведном, сияющем умной красотой граде Божиим»⁷. Метафорично это можно выразить в следующих строках:

*Купола в небо
Где бы нам НЕ быть
Мерим расстоянье покаянием*⁸.

Для понимания феномена педагогической миссии на наш взгляд важно обратиться к понятию призвания. Что мы имеем в виду, когда говорим о призвании? Это особый дар, а также дело служения, а не дохода. Ни в одной культуре призвание так ярко не осмыслено и не прожито, как в христианской. Как завет высочайшего нравственного идеала, к достижению которого устремлена традиция христианского воспитания, звучат слова апостола Павла: *Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте* (Флп 4. 8).

⁶ Павел Флоренский, свящ. Завещание / Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генезисологические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост. : игум. Андроник (Трубачев), М. С. Трубачева, Т. В. Флоренская, П. В. Флоренский. Предисл. и комм. игум. Андроника (Трубачева). М. : Московский рабочий, 1992. С. 441.

⁷ Карташев А. В. Св. Великий князь Владимир — отец русской культуры / Карташев А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М. : Пробел, 1996. С. 130.

⁸ Воля Е. Твоим Промыслом. М. : МАКС Пресс, 2009.

Апостольское служение — один из наиболее ярких примеров реализации призвания в педагогической миссии.

Архимандрит Платон Игумнов в разделе «*Воспитание христианское*» отмечает то, что вопросы аскетической, нравственной и религиозной жизни учеников не были оставлены без внимания их Божественным Учителем, воспитавшим апостолов в духе совершенной праведности и истинного благочестия, призвавшим их к воплощению в личной жизни аскетических, нравственных и религиозных добродетелей⁹. Речь о педагогическом призвании может идти только в том случае, когда человек умеет учить с истинной любовью. Отдавать от избытка. Подняться на высший эсхатологический уровень отношения к другому человеку как к образу и подобию Божию, имеющему особую сакральную ценность. Когда учитель способен дать ученику свободу учиться, позволяя ему идти впереди¹⁰. Только в отличие от гуманистической традиции психологической практики без оценочного принятия человеческих поступков, православно-ориентированный подход, в частности концепция Тамары Флоренской, основана на ответственности за ведомого. Одним из принципов ведения диалога, по Т. А. Флоренской, является безусловное принятие духовного Я человека, а вот принятие наличного Я определяется христианскими заповедями, духовно-нравственными ценностями (нельзя принять жестокость, лживость, преступность)¹¹.

Григорий Богослов в своем слове надгробном Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской произнес: «*Нам известны были две дороги: одна — это первая и превосходнейшая, вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям, другая — это вторая и неравного достоинства с первой, вела к наставником наук внешних*»¹². Эта позиция — краеугольный камень учительства, задача которого воспитать человека цельного. Ярким подтверждением такой человеческой цельности является научное творчество протоиерея Федора Александровича Голубинского, который всю свою жизнь связал с Московской духовной академией. Как отмечает отец Василий Зеньковский, философская эрудиция Голубинского¹³ была очень широка и основательна, он смело брал у всех мыслителей то, что находил правильным. Но меньше всего он напоминает эклектика. Наоборот, мысль Голубинского очень цельна, в ней очень ярко выступает внутреннее единство»¹⁴.

Русский мыслитель Иван Ильин, оставил нам в наследие работы о пастырском призвании и призвании врача. Ильин выбирает мерой обсуждения пастырского призвания чаяния паствы «чего мы, православные христиане, ожидаем от

⁹ Платон (Игумнов), архим. *Воспитание Христианское* / Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 461–465.

¹⁰ Роджерс К., Фрейберг Дж. *Свобода учиться*. М.: Смысл, 2002.

¹¹ Флоренская Т. А. *Мир дома твоего*. М.: Русский Хронограф, 2004.

¹² Григорий Богослов. *Слова*, 43.

¹³ Лекции по умозрительному богословию со слов профессора философии в Московской духовной академии, протоиерея Федора Александровича Голубинского, записанные в 1841/1842 учебном году студентом Академии IV курса Владимиром Назаревским. М.: Синод. тип., 1868.

¹⁴ Зеньковский В. В., прот. *Философское движение в русских духовных школах в первой половине XIX века (Голубинский, Сидонский, Карпов, Авсенеv, Гогоцкий, Юркевич и др.)* / Зеньковский В. В. *История русской философии*. Л., 1991.

наших пастырей». И, отвечая на этот вопрос, выделяет молитвенную силу, любящее сердце и свободную живую христианскую совесть. Философ поднимает вопрос о закреплении, формировании и сохранении для будущих поколений этого верного пути служения. «Кто открыл верный путь, должен указать его другим»¹⁵.

Мы отдаем себе отчет, что призвание удел не многих и является высшей формой профессионализма. Призванию нельзя обязать. Однако можно создать дидактические условия для его развития. Педагогическая деятельность есть также дело служения. Дело педагога в процессе духовного окормления во многом сходно делу духовника, священнослужителя, и потому «не есть обычная профессия, сходная с другими, но требует особого призвания и особых даров. Эти дары даны не всякому, но тот, кому они не даны, не должен посягать на это звание»¹⁶.

Осмысление служения «в аспекте отрицательном: чем не было и не могло быть» мы находим в Священной истории. «В трех пустынных искушениях Господь отверг служение материальным ценностям, — искушение хлебом, искание мирского могущества, — искушение властью, и торжество мессианской идеи на путях не любви, а духовного насилия, искушения чудом». Отвержение в искушении и было для евангелистов осмыслением всего служения Христова¹⁷. Созвучными помыслами делится в своем завещании детям отец Павел Флоренский: «Не ищите власти, богатства, влияния...» В уникальных традициях врачебного *сredo* деятельность врача есть дело служения, а не дохода.

Служение по призванию мы рассматриваем как миссию. На наш взгляд, педагогическая миссия является высшей (идеальной) формой реализации личного призвания в профессиональной деятельности, обеспечивающей духовный рост детей, родителей, педагогов. В своем проявлении миссия выступает в качестве харизмы духовного роста.

Ключевые слова: педагогическая миссия, призвание, служение.

THE PROTOTYPE OF TEACHING

E. S. VOLYA

The paper presents an attempt of turning to the Christian tradition of teaching with the objective of comprehending the phenomenon of the pedagogical mission, which is regarded by the author as a vocational ministry.

Keywords: pedagogical mission, vocation, ministry.

¹⁵ Ильин И. А. О пастырском призвании / Путь к очевидности // Я вглядываюсь в жизнь. М., 2007.

¹⁶ Там же. С. 419.

¹⁷ Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. Париж; М., 1996. С. 2.